

А.Б. ТУМАНОВА

ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ МОДУСНЫХ СМЫСЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ

Исходя из того, что художественное произведение – это целостное творческое отражение окружающего мира писателем посредством слова, вниманию исследователя может подлежать любая единица, выбор и функционирование которой в авторском тексте будет иметь свои особенности в зависимости от таланта пишущего. Присутствие субъекта речи не ощущается в неавторизованных высказываниях. Модальность представляется как объективная (соответствующая действительности) и субъективная (идущая от говорящего/пишущего) данность. В художественном дискурсе субъективная (авторская) модальность проявляется в двух видах: модальность проблематической достоверности и модальность категорической достоверности. Целью данной статьи является попытка проанализировать способы выражения модусных смыслов посредством вводно-модальных слов (ВМС) проблематической достоверности.

В художественном дискурсе писателей-билингвов (А. Алимжанов, Б. Джандарбеков, С. Санбаев, А. Жаксылыков и др.) показали проблематической достоверности ВМС и сочетания, такие, как *видимо*, *вероятно*, *должно быть*, *может быть/может*, *быть может*, *кажется*, *казалось* и др. используются широко и своеобразно.

Наиболее ярко используются ВМС, выражающие предположение, сомнение, неуверенность в излагаемом материале, являющиеся показателями информации, требующей логических выводов, в частности близкие по семантике слова *вероятно* и *видимо*. Так, в толковом словаре указываются значения данных вводных слов: *вероятно* – ‘по-видимому, по всей вероятности’, *видимо* – ‘как кажется, по-видимому’ [С.И. Ожегов, 1978: 70, 76]. Они встречаются как в речи повествователя, так и в несобственно-прямой речи (НПР). Модальное слово *вероятно* в собственно авторском повествовании выражает сомнения писателя в сообщаемом факте:

... Он (сказочник – уточнение наше), *вероятно*, не знал и о том, что Халиф Гарунь-Ра-

шид боялся жить в Багдаде, боялся горожан ремесленников и рабов. [Возвращение учителя, 1979: 226-227]; и в НПР:

... Он (хитрый вождь Хусрау – уточнение наше) *поспешил сладкоречиво заметить*, что славный вождь тохаров, *вероятно*, *запомнил* – численность телохранителей царского дома была установлена еще при благословенной памяти Спаргатиса, и не подобает верным слугам престола лишать любимую дочь покойного царя охраны, соответствующей ее высокому сану. [Томирис, 1981: .27].

Использование ВМС *вероятно* в НПР так же легко, естественно, что в свою очередь оживляет речь героя. Ср.:

- *Вероятно*, наветы завистников и недоброжелателей сделали свое черное дело. Что ни говори, а наша благословенная повелительница – женщина, а женщина, к сожалению, предпочитает гибкий, льстивый язык твердому и верному клинку... [Томирис, 1982: 40].

В целом эти ВМС и частицы передают авторскую позицию, которая представлена через размышления главного героя произведения, через предположения его о действительности, требующие логических выводов. Так, ВМС *видимо*, помимо выражения основного инвариантного смысла (‘как кажется, по-видимому’), может выступать конкретным показателем логического вывода в предположениях персонажа об увиденном. Пронаблюдаем, как во фрагменте довольно точно схвачен и отражен ход мыслей батыра, раненого в бою, возможно контуженого, наблюдавшего за происходившим на поле сражения:

Кенже не знал, сколько длился бой – час, полчаса? Но он почувствовал, что солнце уже высоко. Взбираясь на Акбаса, он в третий раз увидел человека со шрамом на правой щеке – тот по-хозяйски осматривал захваченного коня. У него уже не было дубины. За могучими плечами висел колчан. В руках он держал лук и щит, на поясе болталась сабля, а рядом

в землю воткнута пика – все это оружие только что принадлежало кому-то из джунгар. Под ногами у него лежали шлем и кольчуга. **Видимо**, он бросил их потому, что они были малы для него. [Гонец, 1974: 45]. Как видим, в данном фрагменте использование модального слова *видимо* является стилистически достаточным, так как им подчеркивается естественность хода размышлений персонажа и подведение вывода.

Знаменательно то, что использование ВМС в открытом авторском «слове», также стилистически необходимо. Ср.:

Но все же противник понес, видимо, потери: об этом можно было судить по редущим винтовочным выстрелам. [Дорога только одна, 1974: 337]; *Арабский язык в ту пору – в то мгновение истории стал языком науки, поэзии, торговли. И, видимо, потому мы по сей день говорим об «арабских» энциклопедистах, хотя то были ученые разных наций, но общались и создавали свои труды на арабском...* [Возвращение учителя, 1979: 228]. В данном фрагменте открытость авторской точки зрения подтверждается употреблением личного местоимения *мы*, что в произведении является равным местоимению *я* – прямому эквиваленту авторского «голоса».

Рассмотрим ВМС и сочетания *должно быть, может быть, может, быть может*. Так, в словарной статье вводного сочетания *должно быть* отмечается значение – ‘вероятно, по всей вероятности’ [Словарь русского языка, 1978: 159]. Данное значение позволяет нам расположить на шкале недостоверность/достоверность после единиц *вероятно, видимо* вводное сочетание *должно быть* и далее группу однородных сочетаний: *может быть, может, быть может*.

В речи повествователя сочетание *должно быть* употребляется не только для выражения неуверенности говорящего в сообщаемом, а и для отражения логического хода его мыслей:

Осенью 1731 года в ставку хана Младшего жуза Абулхаира, расположенную в те дни в Иргизских степях, прибыл гонец. Молодой джигит, лицо обветрено, воспаленный взгляд – должно быть, давно не спал, но держится гордо. Осанка под стать султану. [Гонец, 1974: 218]. Стилистическая оправданность подтверждается конституацией и индивидуально-авторской

постановкой знаков препинания: вместо обычных запятых с обеих сторон, вводное сочетание *должно быть* выделено тире и запятой, что, как нам кажется, удлиняет паузу и тем самым подчеркивает важность, торжественность цели визита гонца, прибывшего в ставку хана Абулхаира с вестью о приезде русского посла.

Интересны мысли о стилистической принадлежности ВМС – *может быть, может и быть может* в работах В.П. Барчунова [1963, 1967]. По мнению ученого, сочетание *быть может* относится к книжному стилю, *может быть* – к нейтральному стилю, а редуцированная форма *может* – только к разговорному стилю. Пронаблюдаем возможно ли такое дифференцированное функционирование данных ВМС в художественном дискурсе русскоязычного писателя.

Вначале обратимся к толковому словарю: в словарной статье слова *мочь* после основного его значения указывается следующая информация – *может быть* или *быть может* (не разделяются по стилю – уточнение наше) и *может* (с пометкой разг.) означают ‘как можно думать, возможно’ [С.И. Ожегов. Словарь русского языка, 1978: 333].

В неравной схватке с карателями, защищая честь женщин, погибает уважаемый аксакал, мудрый судья из аула Жидели – Алдияр. Односельчане потрясены смертью старика. Ведь по казахскому обычаю поднимать руку на стариков и детей считалось страшным грехом, чего не побоялись сделать наемные воины хана Жангира. Рассмотрим фрагмент:

*Белым чапаном, а сверху голубым платком укрыли тело Алдияр-ата. Джигиты на плечах понесли его к юрте, в которой он жил, Бородинское ружье лежало рядом. Алдияр не успел его кому-нибудь передать, а **может быть**, не нашел достойного джигита. Потому оно должно было занять место в могиле рядом с погибшим батыром...* [Стрела Махамбета, 1979: 118]. Как видим, идет изложение общеизвестных истин, видимо, поэтому писатель использует нейтральную форму вводно-модального сочетания *может быть*, желая этим подчеркнуть, что его собственные мысли близки народным.

В речи повествователя – мальчика в повести А. Жаксылыкова «Окно в степь» вводное сочетание показывает его предположения, домыслы

лы по поводу вредной старухи, что является вполне естественным для подростка:

*...Я смотрел на толпу, на Акана, на старуху, и мне чудились невидимые нити, протянутые от нее, малейшее их движение способно изменить ход событий. **Может быть**, Калампыр-апа в самом деле колдунья? [Окно в степь, 1987: 39].*

В двух других фрагментах из речи повествователя актуализируется вводное сочетание *быть может*, где употребление данного ВМС так же стилистически оправдано:

*Если в пору единства родов и племен Средний жуз мог диктовать свою волю Хиве и Коканду, то сейчас над ним висел меч Хивы. **Быть может**, поэтому после долгих, мучительных скитаний по аулам Приаралья, Махамбет уехал в Бухару, затем в Самарканд, а потом... в Хиву... [Стрела Махамбета, 1979: 47];*

В данном случае давнопрошедшие события осмысливаются А. Алимжановым с точки зрения автора. Налицо процесс переосмысливания важных исторических событий с позиций современности, который представлен в своеобразных философских рассуждениях писателя. То, что перед нами собственно авторская оценка достоверности/недостоверности, говорит не только употребление книжной формы вводно-модального элемента *быть может* (что, конечно, характерно для речи писателя), но и использование личного местоимения *нас* и топонима *Приаралье*, рождение которого относится к более позднему времени, чем описываемые события и факты. Так, слово *Приаралье* означает местность, принадлежащая Аральскому морю. Однако в основном повествовании – в речи повествователя – это море именуется так, как оно называлось в изображаемую эпоху: «Джендское» (по названию г. Дженд) или «Синее море». Знаменательно то, что данное ВМС употребляется и в прямой речи (ПР):

-Ты, как всегда, жесток и правдив, Алтай. По годам мы сверстники, и я никогда не мог властвовать над тобой, но всегда находил в тебе опору. Что ответишь тебе?... . Пока что люди мало знают об этих батырах. Соответствует ли их сила их мудрости?... . Но правда и то, что каждая война рождает своих героев, как и каждое состязание на тое – сво-

*их победителей. **Быть может**, это начало будущих побед, начало конца нашим распрям... [Гонец, 1974: 57];* и во внутренней речи батыра Рустама:

*И быть побежденным этой красотой, **быть может**, большее счастье, чем он испытывал в своих бесчисленных победах. [Томирис, 1981: 6].* Как видим, писатель не дифференцирует строго сферу употребления вводного сочетания *быть может*, в отличие от обязательного отнесения его к собственно авторскому слогу. [Барчунов, 1967].

Наши наблюдения показали, что нейтральная форма вводно-модального элемента *может быть* употребляется в АР и персонажной одинаково, а его редуцированная форма *может* – только в речи персонажей. Важно отметить, что книжная форма *быть может*, характерная для собственно авторской речи, встречается и во внутренней речи персонажей.

Вводно-модальное слово *видно*, означающее 'по-видимому, вероятно', в толковом словаре помечено как разговорное. [С.И. Ожегов. Словарь русского языка, 1978: 76]. Это стилевое разграничение, видимо, и объясняет довольно частое употребление данного слова в речи персонажей, в НПР для передачи мыслей персонажей для создания иллюзии естественности, реальности процесса их мышления. Гонцы Кенже, Хайдар, Лаубай и Егорка во время поисков стана батыра Тайлака попадают в плен к джунгарам. На утро их повезли к шатру самого Шона-Доба, по пути пленники внимательно оглядывали вражеский стан, стараясь как можно больше запомнить, делая при этом кое-какие предположения и выводы об увиденном:

*Жигитов вновь провели мимо пушек, мимо сотен, вооруженных мултыками. Они проехали меж двух туменов и попали в ту часть стана, где находился лагерь для пленных, огороженный телегами и вереницей лежащих верблюдов. **Видно**, во время похода пленных использовали как грузчиков и погонщиков. Под охраной джунгар они пасли отары овец, отбитых у них же самих, угнанных с пастбищ разоренных аулов... [Гонец, 1974: 131];* еще пример: *Дородная, смуглолицая старуха Кокайдая, обжигаясь, шумно цедила чай. Она, **видно**, давно привыкла к таким вещам. [Белая*

аруана, 1974: 21]. Здесь ВМС *видно* актуализировано в размышлениях персонажа повествователя, в другом отрывке – в НРП, а цель использования ВМС одна и та же – передать естественный ход размышлений персонажей.

Рассмотрим употребление в художественном дискурсе писателя-билингва ВМС *наверное, кажется, пожалуй*. В толковом словаре указаны следующие значения ВМС: *наверное* – ‘по всей вероятности’; *кажется, казалось* – ‘как будто, по-видимому’; *пожалуй* – ‘выражает допущение какой-нибудь возможности’ [С.И. Ожегов, 1978: 340, 240, 501]. Наши наблюдения показали, что данные ВМС можно объединить общим смыслом – выражение предположения, сомнения, неуверенности. Введение данных единиц в ПР способствует оживлению речи повествователя/персонажей, созданию иллюзии реальности мыслей, которые в основном переданы в форме вопросительных предложений, выражающих экспрессивно-эмоциональное состояние персонажей. Так, например, А. Алимжанов, глубоко понимая страдания родного народа, остро реагирует и сопереживает ему. Об этом говорит каждое его слово в следующем фрагменте:

«Наверное, никто и никогда на земле не знал такого страшного джута. Джут помог джунгарам осилить Казахстан. Стон несся по всей казахской земле от Алтая до Едила. Умирала великая Казахстан. Умирал народ, проклиная всех богов, выдуманных людьми. Проклиная небо и землю...» [Гонец, 1974: 16]. Приведенный отрывок напоминает песню степняка, оплакивающего смерть близкого человека (песня-плач, жоктау). Наблюдаются ряды повторов: 1) Казахстан, казахской, Казахстан, народ, люди; 2) на земле, по земле, землю; 3) джут – стон, умирала – умирал, проклиная богов – проклиная небо и землю. Следует отметить, что ВМС *наверное*, вместо основного, инвариантного значения неуверенности, сомнения, здесь приобретает характер утверждения, приравнивается слову *да*, обозначающее согласие: *да*, горько осознавать, но это было именно так. Ср.:

Наверное, никто и на земле не знал такого страшного джута... – Да, никто и никогда не знал такого джута... . Краски описания всенародной трагедии сгущаются и подбором слов: осилить Казахстан, стон несся по земле, умирала Казахстан, умирал народ, проклиная, проклиная...

В художественном дискурсе писателя-билингва широко представлен диалог персонажа с самим собой в НРП, где ярко, без трансформации дается ПР. Ср.: Наверное, ошиблась я, – думала девушка, – на каком же другом языке может говорить Каражал, кроме казахского? Да и Каражал ли это? Может, почудилось? [Гонец, 1974: 68];

ВМС *наверное* со значением неуверенности, предположения, сомнения, можно расположить на шкале достоверности/недостоверности после модальных сочетаний должно быть, может быть, может, быть может. Слово *наверное* употребляется писателем-билингвом частотно в своем инвариантном значении – в речи повествователя, а также в НРП. Например:

Тучи эти висли над далеким Каспийским морем, наверное, бушующим сейчас штормами. Здесь же давно уже шли мелкие дожди, шли беспрестанно и нудно. [Дорога только одна, 1974: 333];

Наверное, был уверен, что Махамбета удастся поймать в ауле, и выскочил сам во главе своих прислужников. Не терпелось ему, видно, расправиться с бывшим табунщиком, в котором так жестоко обманулся. [Дорога только одна, 1974: 353];

Ее маленькие глаза подозрительно следили за людьми. Ей, наверное, не верилось, что все работают от чистого сердца, не помышляя ни о какой плате, охваченные только одним чувством – состраданием. [Окно в степь, 1987: 35].

Все рассмотренные ВМС и сочетания вероятно, видимо; должно быть, может быть, быть может; видно, наверное в художественном дискурсе А. Алимжанова используется как в основном, инвариантном значении, так и в индивидуально-авторском значении. Они представлены в речи повествователя, в НРП и ПР. Будучи в контексте произведений стилистически оправданными, они являются показателями информации, требующей логического анализа, и тем самым придают естественность мыслям, чаяниям и рассуждениям самого повествователя, близкого автору, и персонажей.

Остановимся более подробно на употреблении ВМС *кажется, казалось* (‘как будто, по-видимому’). Наблюдения показали, что данные ВМС являются показателями информации, в ко-

торой не требуются логические выводы. Они используются при описании душевного состояния персонажей, поэтому данные слова в основном представлены в речи повествователя.

Мудрый Алдияр-ата высоко оценил талант молодого композитора и музыканта Курмангазы. Однажды в беседе с ним Алдияр назвал его мелодии «огненными». И вот при помощи ВМС кажется в речи повествователя (иногда и в НПР) создается то, что представляется воображению – состояние как реальное. Ср.:

...Курмангазы был под впечатлением слов Алдияра и потому, кажется, сам не услышал, как полились звуки степной песни ... [Стрела Махамбета. 1979: 110];

Окна пыльные, словно ослепли. А ведь при ней (Камаш) все блестело, сверкало, радовало взор. Не стало ее здесь, и, кажется, ночь для меня наступила. Решил я уехать из этих краев... [Томирис, 1981: 29].

Помимо основного инвариантного значения, слово *кажется* в ПР персонажей может нести утвердительную смысловую нагрузку: да, я не ошибаюсь, да я просил бы в действительности не пугать. Ср.:

– Я чувствую и, *кажется*, не ошибаюсь. Бахтияр не червяк, не уж и даже не гадюка, а скорее кобра! Он выскочка. Не знатен. [Томирис, 1981: 53]; Я, *кажется*, уже просил не пугать меня! Мое положение прочно. Я команду гвардией, любим царицей и отец... – Бахтияр осекся. [Томирис, 1981: 59].

ВМС *кажется* помогает актуализировать чувство неуверенности, сомнения царя Кавада в его отцовстве:

Он (Кавад), *кажется*, испытывал сомнение в своем отцовстве, и по этой причине ни в чем. не повинная молодая жена, по счету третья, попала в опалу и жила вдовой при живом муже. [Томирис, 1982: 42].

Приведем аналогичный пример с использованием ВМС *казалось*:

Лицо его (Каражала – уточнение наше) было словно вырублено из серого, холодного гранита, в глазах переливались искры – отражение костра. *Казалось*, он, не задумываясь, пересказывал слова Табана, а думал о чем-то другом. И то, другое, волновало его больше, чем легенда Табана [Гонец, 1974: 76]. Вражес-

кий лазутчик Каражал, конечно, в данный момент не вдумывался в смысл легенды о любви. Он думал о том, с какой вестью приехали трое посланцев-жигитов. Здесь МС *казалось* показывает рассеянность персонажа, его невнимание и в то же время обостренную внутреннюю сосредоточенность. Приведем для сравнения еще пример:

Мырзагали не ответил. Казалось, он не видел и не слышал Шолака. [Белая аруана, 1974: 28].

После длительного, утомительного похода вместе с караваном дошли до сказочного города Тудмор и Абу Наср со своими друзьями. Перед ними открылась прекрасная картина древней столицы арамейцев:

Абу Наср прислонился к седлу. Пораженные величием этой неземной красоты, все трое молчали. Казалось, они не решаются шагнуть вперед, боятся испугнуть столь чудное видение... [Возвращение учителя, 1979: 145].

Никто не помнит того, когда этот город построен. Тудмор – это по-армейски «пальма», тудмор – «прохлада», поэтому греки называли его еще замечательным именем Пальмира. Здесь МС *казалось* помогает выразить чувства персонажей при виде величественной «неземной красоты» – изумление, удивление, восторг, восхищение, радость.

Функционирование ВМС *кажется, казалось* в художественном дискурсе писателя-билингва «выдает» неординарное, творческое восприятие окружающей действительности художником слова. Это проявляется особенно наглядно в описаниях явлений природы, в лирических отступлениях автора. Например:

Лишь изредка мелькала неожиданная синь неба, и это, пожалуй, было единственным чистым цветом хмурой осени. На западе теснились громады туч. Казалось, облака долетали туда и наслаивались там изо дня в день в одно – огромное, темное, клубящееся, готовое вот-вот обрушиться на землю страшным потоком воды. Но в Тайсойгане проливные дожди осенью – редкость. [Дорога только одна, 1974: 332];

Бледнели сумерки за окном, скупо брезжил слабый рассеянный свет, казалось, это наливается холодом осенний ледок, искристой

сетью густея в темной неподвижно-стылой воде. [Шаг навстречу, 1987: 43-44];

Пред нами встает «живая», реальная картина мира: «дождь стих» сейчас и «земля горит» в данный момент. На наш взгляд, ВМС *кажется, казалось*, помимо отмеченных функций – выражения душевного состояния персонажей, – в данных фрагментах выполняют и дополнительную функцию: они актуализируют значение настоящего, сиюминутного свершения того или иного явления/события. Все это в целом создает ощущение реальности описываемого.

В семантическом отношении к группе ВМС проблематической достоверности близки глагольные формы типа: *видать, знать*. Глаголы неопределенной формы *видать, знать*, характеризующиеся как вводные слова с пометой – просторечное, разговорное означают: *видать* – “то же самое, что видимо” (Словарь русского языка, 1978, 76); *знать* – “видимо, видно, вероятно” (ССРЛЯ, 1955). По основному, инвариантному значению они близки к ВМС *видимо, вероятно*, а по функциональному назначению данные слова стоят в одном ряду с модальным словом *видно*, отмеченное в словаре как разговорное. В связи с этим вводные слова встречаются прежде всего в ПР, внутренней речи персонажей и в НПР:

Видать, в тюрьме он отвык смеяться... – подумал Махамбет (Стрела Махамбета, 1979: 67);

Знать, они объединились, чтобы единой была охрана, чтобы безопасной была дорога (Возвращение учителя, 1979: 67);

Такого изобилия Кенже не видел за всю свою жизнь. И откуда что взялось? Ведь был джут, не первый год идет война. Видать, народ сегодня в честь избрания главного сардара решил выложить все до последней горсти муки, зарезать последнего барашка, надесть на себя самую дорогую одежду... Но как бы там ни было – сегодня царит изобилие (Гонец, 1974: 188); *Повстанцы располагались в двух старых, затерявшихся в глубине барханов кстау. Когда-то это была, **видать**, неплохая зимовка с уместными сараями и широким двором... (Дорога только одна: 1974: 345)*

Так в приведенных примерах слова *видать, знать*, приобретая функциональную значимость, указывают на субъект речи (Махамбет, Кенже и др.), на субъективное отношение к содержанию сообщаемого, что и придает их речи личностный характер и живую разговорную форму.

Подводя итоги наблюдениям, можно утверждать, что вышеуказанные ВМС как показатели проблематической достоверности (*вероятно, видимо, должно быть, может быть, может, быть может, видно, наверное, пожалуй, кажется, казалось; видать, знать* и др.) употребляются в художественном дискурсе писателя-билингва частотно, представлены ярко и своеобразно, наполнены функциональной и стилистической значимостью.

Таким образом, анализ фактического материала показал, что авторская позиция, авторская точка зрения четко «проступает» не только в открытом авторском «слове», но и в речи повествователя, близкого образу автора, и в речи персонажей и в НПР (особенно во внутренней). В каждом из указанных типов речи ярко выражаются различные модусные смыслы. Следовательно, использование тех или иных ВМС и сочетаний в художественном дискурсе русскоязычного писателя можно рассматривать как способ репрезентации мировосприятия, мироощущения картины мира, национального сознания, мировоззрения национальной языковой личности писателя, что в конечном счете способствует созданию особой контаминированной языковой картины мира, в которой проявляются и особенности национальной языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимжанов А. Гонец. Алма-Ата, 1974; Стрела Махамбета. М., 1972; Возвращение Учителя. М., 1979; Дорога людей. М., 1987.
2. Барчунов В.П. О некоторых лексико-грамматических чертах модальных слов. // Материалы конференции по казахской и русской филологии. Алма-Ата, 1962.
3. Джандарбеков Б. Томирис. Алма-ата: Жалын, 1981.
4. Жаксылыков А. Окно в степь. Алма-Ата, 1987.
5. Санбаев С. Дорога только одна. М.: Молодая гвардия, 1974.